

доказательств того, что все эти качества порождены именно психическим заболеванием, нет. Возможно, впрочем, что Достоевский, как бы пребывая в некоем наваждении, мог оттолкнуться от образа Спешнева, лишь усилив его характерные черты, доведя их до крайней степени выражения. Иными словами, превратил личность шизоидного склада в законченного шизофреника. Другое дело, что в этом случае, как и в реальной жизни, при манифестации психоза начальное количество уже перешло в принципиально новое качество, и созданный образ приобрел столь новые характеристики, что также утратил связь со своим прототипом, как заболевший человек утрачивает связь с тем собой, каким он был до развития болезни.

Наконец, самый важный вопрос: почему вообще возник этот образ? Думаю, Достоевский не отдавал себе отчет в том, что лепит облик героя с людей, пораженных тяжелейшим психическим недугом. Вероятно, в один из периодов жизни, скорее всего, при самом начале своего становления как писателя, Достоевский столкнулся с каким-то несчастным (быть может, даже и не одним), который был болен шизофренией. Будучи человеком иного склада, личностью чрезвычайно темпераментной, можно даже сказать — огневой, писатель не мог не получить острейшую душевную рану, обжегшись «космическим холодом» шизофренической личности. Видимо, эта рана была столь глубока, что Достоевский не мог оправиться от нее долгие годы. И душевная боль, как это нередко бывает (вспомним хотя бы Булгакова с его навязчивым кошмаром переживания сцены убийства петлюровцами безоружного, безвинного человека), прорвалась на страницах его произведений.

Вместе с тем на протяжении всего творчества писателя привлекала проблема духовной трагедии личности-одиночки, противостоящей не только людской толпе с ее убогими страстями и ненужной суетой, но и общепризнанным человеческим ценнос-

тям, важнейшими из которых для Достоевского были ценности христианского мировоззрения. В таком случае, по-видимому, речь идет о совпадении двух, правда, несопоставимых по значению мотивов: ведь лучшего прототипа для «гордого, необыкновенного, замкнутого, преступного, но в своей преступности привлекательного и загадочного человека» (высшим выражением которого и явился Ставрогин), чем больной шизофренией с его кататонической инакостью, трудно отыскать. Другое дело, что столь тяжелая психическая болезнь полностью исключает ответственность героя за свои поступки. Но, одарив свое создание столь говорящей фамилией — «ставрос» по-гречески означает «крест», — Достоевский как христианин был, несомненно, уверен: для каждого человека нет и не может быть «креста», данного ему не по силам. Поэтому-то образ Ставрогина оказывается внутренне противоречивым и как бы двоится, сочетая, казалось бы, невозможное, — убедительность литературного персонажа и достоверность психопатологического типа. В то же время сотворенная писателем пара — Ставрогин и Верховенский-младший — необыкновенно яркий пример общественной драмы, когда мысли абсолютно больного человека реализуются в жизнь абсолютно здоровым подлецом. Поразительно, насколько это оказывается актуальным для нашей теперешней жизни!

Замечательно, что создание Ставрогина освободило Достоевского от его шизофренического наваждения: психопатологические черты такого порядка при создании последующих героев меркнут. В то же время идеи духовного одиночества и самоизоляции, ведущие к краху личности, по-прежнему продолжают волновать, переходя от Версилова из романа «Подросток» к Ивану Карамазову, герою последнего произведения писателя, его «роману-завещанию» «Братья Карамазовы».